

П. СТРУВЕ

Ответ архиепископу Антонию

Высокопреосвященнейший владыко!

Ваше открытое письмо авторам сборника «Вехи» обрадовало меня. Я знаю, что над вашим словом, обращенным к нам, многие будут злорадно смеяться как над новым доказательством нашей «реакционности». Но я чувствую в ваших словах, владыко, открывающуюся возможность сказать не в пустое пространство нечто такое, что я глубоко прочувствовал и что, я уверен, терзает всех нас.

Позвольте одно личное воспоминание. Я не имею удовольствия знать вас лично, но мне не смутно, а отчетливо припоминается повод, по которому я в первый и пока последний раз видел вас. Я был юношей, в котором начиналась работа осмысливания своей личной жизни и того, что совершалось в общественности. Вы были молодым человеком в расцвете сил, только что начинающим свое церковное служение. Я видел и слышал вас служащим панихиду у тела Ореста Федоровича Миллера, в его скромной, почти убогой квартире отставного профессора-бессребренника¹. Орест Миллер навсегда останется памятен как человек глубоко правдивый и во имя вечной правды возвысивший голос против торжествовавшего холодного и злого насилия. Этот лишенный всяких блестящих дарований человек имел один дар — дар чуткой, неподкупной совести. И когда эта совесть велела ему сказать слово правды о сильном² человеке, который свой дар употребил на служение злу, слабый старик не побоялся сделать это. Он сказал правду о Каткове и поплатился за это³.

Вы провожали христианским напутствием этого человека в могилу, и мне, несмотря на все мое тогдашнее юношески-самоуверенное «свободомыслие», было отрадно видеть вас, чувствовать и знать, что над гробом такого человека, как Орест Мил-

лер, не просто исполняется «треба», что в вашем лице православная церковь признала и почтила голос гонимой христианской совести.

Высокопреосвященнейший владыко, то, что я говорю вам сейчас, это не «политика» и не «тактика». Именно то, что мы в нашем литературном действии решились стать над «политикой» и «тактикой», именно это освобождение нашего духа дает нам право и обязанность говорить ту правду, которую мы чувствуем, всем и обо всех.

Нас смущает, нас мучит, нас терзает, что православная церковь, которую одни из нас любят как мать, другие почитают как духовную мать бесконечного множества близких им по духу, по плоти, по страданиям людей, что она — по великому и скорбному слову почитаемого вами Достоевского — пребывает «в параличе»⁴. Иначе — она в плену у той же «политики», духовное освобождение от которой есть в нашем понимании единственный путь к оздоровлению интеллигенции.

Это — факт, и притом факт ужасающий. Браги церкви, к которым не принадлежит никто из нас, ему радуются. Ибо для церкви быть в плену у политики значит вступить на путь разложения и гибели. И пусть не говорят нам о прошлом. В прошлом русской церкви есть осиянные светом вечной правды образы митрополита Филиппа, Нила Сорского и других истинных подвижников. Церковь от них никогда не отрекалась, и мы ждем, когда сквозь сегодняшнюю черноту и мрак проступит и засияет наконец этот свет подлинного Благочестия и Христовой правды. Церковники и нецерковники, мы одинаково жадно, с духовным трепетом ждем этого.

А пока мы глубоко скорбим. Ибо никакая власть и никакой авторитет не могут нас уверить в том, чтобы Христова правда учила тому, что для одних людей убивать есть священное право, для других — смертный грех, чтобы Христова правда повелевала закрывать уста и разгонять собрания верующих. Христовой правды во всей этой «политике», которая держит в плену церковь, нет ни йоты. И пусть нам не говорят, что есть церковь официальная и неофициальная. Для нас есть церковь только одна: церковь плененная и несчастная. А плен и несчастье церкви, с которой так тесно связаны судьбы народа, есть несчастье народное. И мы видим его на каждом шагу.

Высокопреосвященнейший владыко, вы признали в наших словах голос совести и убеждения. Противник вы или друг, мы вам благодарны за это, ибо только такое отношение уважения к чужой мысли и благоговения к чужой личности объеди-

няет людей в стремлении к правде Божией и помогает отыскать ее.

И мы ничем иным не можем отплатить вам за ваше уважение и благоволение, как обращением в глубь нашей совести. Если мы извлекаем оттуда скорбную думу о церковном пленении и церковном несчастье, мы делаем это не из «политики» и не из «тактики», а потому, что эта дума неотвязно смущает и терзает наши души.

(Слово. 1909. № 791. 10 (23) мая. С. 3)

